

ПРИКЛАДНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОЛОГИИ

УДК 2-72

Современные российские исследования роли Константинопольского патриархата в развитии кризиса единства мирового православия

Митрополит Смоленский и Дорогобужский Исидор

Смоленская православная духовная семинария,
Российская Федерация, 214000, Смоленск, ул. Тимирязева, 5

Для цитирования: Туикин Р.В. Современные российские исследования роли Константинопольского патриархата в развитии кризиса единства мирового православия // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 1. С. 110–133. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2022.106>

В статье представлен анализ церковно-исторических оснований состоявшегося в 2018 г. прекращения евхаристического общения между Русской православной церковью и Константинопольским патриархатом. Указанная тематика рассмотрена через призму отечественных исследований. Изучение взаимоотношений Русской православной церкви с Константинопольским патриархатом движется в нескольких тематических направлениях: доктринальном, церковно-историческом, геополитическом. Новизна проведенного анализа заключается в попытке систематизировать современные российские исследования и проследить связи нынешних подходов с дореволюционной академической традицией. Историко-каноническое доминирование Константинопольского патриархата над другими поместными церквями не привело к доктринальному главенству. Множество церковно-правовых суждений, вышедших из современной исследовательской среды, условно можно отнести к двум теоретическим моделям устройства вселенского православия. Основываясь на аналитике исторических прецедентов «фанариотской» внешней политики, большинство историков и канонистов пришли к следующим неутешительным выводам: дипломатическая стратегия Константинопольского патриархата основывалась на соображениях политического прагматизма и личностной выгоды, а не руководствовалась фундаментальным

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2022

принципом межправославной солидарности. Опыт взаимоотношений Русской православной церкви с Константинопольским патриархатом в предыдущие два столетия, а также современные события подталкивают к важному заключению: необходимо усилить исследовательское направление области межправославных отношений, включающее спектр церковно-исторических, церковно-правовых, экклесиологических, геополитических вопросов.

Ключевые слова: раскол, Фанар, каноническое право, экклесиология, история Церкви, Русская православная церковь, духовные школы, Украина, автокефалия.

Введение

Русская православная церковь и Константинопольский патриархат имеют практически тысячелетнюю историю братских взаимоотношений. От характера сотрудничества и общения этих авторитетных поместных церквей зависит состояние вселенского православия. В случае же острой конфронтации или прекращения диалога между этими церквями, что мы наблюдаем в настоящий момент, создается трагическая ситуация расщепления единой православной ойкумены. Современное противостояние между лидерами православного мира, в свою очередь, отягощается как прошлыми обидами и драматическими столкновениями, так и распространившимися в последние два столетия церковноправовыми идеями «этнофилетизма» и фанариотского экспансионизма.

Феномен националистических движений на Балканах в XIX в. сформировал доктрину этнофилетизма¹, ведущую к экклесиологическим искажениям. Этнофилетизм, как мы сейчас знаем, делает основанием поместной церкви политическое или этническое единство в ущерб историко-каноническим и территориальным признакам. Оказывается, что эта теологическая aberrация столетней давности встречается и в наши дни. С соблазном этнофилетизма не справляются осознающие свою политическую самостоятельность этносы, что приводит к очередным расколам, самочинным отпадениям, ожесточенным юрисдикционным тяжбам. Достаточно упомянуть существование острой конфронтации различных церковных юрисдикций на территориях современных государств: Украины, Эстонии, Греции, Черногории, Болгарии и др.

¹ Этнофилетизм — церковноправовой термин греческого происхождения. Этнофилетизм обосновывал единство поместной церкви лишь политико-этническими соображениями в обход территориальных и исторических предпосылок. В западной историографии встречаем концепт «трайбализма» (от англ. tribe — племя) с явной общественно-политической характеристикой. Так, в понимании А. Дж. Тойнби, трайбализм — приверженность локальным, чаще всего этническим ценностям в противовес общечеловеческим (Тойнби А. Дж. Постижение истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 22, 553). У С. Хантингтона трайбализм и глобализм — разнонаправленные тенденции в современной мировой политике (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33).

К сожалению, в большинстве случаев иницилирующую роль в создании дестабилизации на канонической территории каждой отдельной поместной церкви играет Константинопольский патриархат. Если ранее вселенские патриархи категорично отвергали этнофилетизм², то в настоящее время Фанар, используя преимущества церковной дипломатии, по большей части поддерживает стремление к автокефалии некоторых православных церквей и соответственно самочинному разрыву с Матерью-Церковью. Теперь Константинопольский патриархат видит себя в роли православного третейского судьи, санкционирующего автокефалии отдельных национальных церквей. Аналитике подобных прецедентов в последние годы было посвящено значительное количество работ отечественных исследователей. Более того, историографический и церковноправовой интерес к изучению роли Константинопольского патриархата в истории вселенского православия возрос после печальных событий в 2018 г. на территории Украины, повлекших за собой кризис в межцерковных отношениях и фактическому разрыву молитвенного общения между ведущими поместными церквями.

1. Дореволюционная академическая традиция изучения церковной политики Константинопольского патриархата

Прежде чем перейти к обзору и анализу современной отечественной историографии по теме церковной политики Константинопольского патриархата в сфере межправославных отношений (так называемая фанариотская дипломатия), обратимся к богатейшему наследию дореволюционных историков-византологов, канонистов и правоведов Российской империи. В данном случае мы убедимся, что буквально за полстолетия (1860–1910-е годы) российское академическое сообщество совершило настоящий интеллектуальный прорыв, выпустив ряд фундаментальных монографий, существенно продвинувших церковноправовую науку в следующих проблемных областях: теория и практика взаимоотношений поместных церквей, каноническое оправдание исторического «первенства» Константинопольского патриархата в православной ойкумене, ключевые модели церковно-государственных отношений в христианской цивилизации (цезарепапизм, симфония, теократия), оказавшие влияние на принципы внешней церковной дипломатии. Большинство современных исследований в области изучения церковной политики Константинопольского патриархата основываются на выводах дореволюционных историков-византологов, канонистов и правоведов Российской империи.

Ведущим отечественным исследователем истории Константинопольского патриархата и теоретиком «фанариотской дипломатии» был профессор Санкт-Петербургского университета Иван Егорович Троицкий. Приме-

² Константинопольский собор 1872 г. и осуждение филетизма греко-болгарской схизмы описаны в: *Троицкий И. Е.* Церковная сторона болгарского вопроса. СПб.: Университетская типография, 1888.

чательно, что И. Е. Троицкий на протяжении двух десятилетий (1880–1890-е годы) являлся ведущим консультантом обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева по восточному вопросу³. Самодержавная власть в своей внешней политике на Ближнем Востоке, особенно в том, что касается взаимоотношений с Восточными церквями (прежде всего, с Константинопольским патриархатом), руководствовалась рекомендациями экспертного сообщества (академической среды церковных византологов и канонистов). Профессор Троицкий считал, что византийская система, определявшая господствующую модель как церковно-государственных отношений, так и межправославного общения поместных церквей, грешила каноническим произволом. Теоретические принципы, на которых базировались подобные институциональные отношения, на практике существенно ограничивались из-за постоянного нарушения и нивелирования (пресловутый «правовой нигилизм»). Константинопольский патриархат получил каноническое первенство в силу исторических и политических причин, приобретя его с благоволения Империи в силу столичного положения кафедры. И. Е. Троицкий снимал большую часть ответственности с константинопольских предстоятелей за многочисленные исторические прецеденты церковных нестроев и расколов, объясняя это жесткой подчиненностью столичной Церкви институту светской власти Византийской империи. Сущностью проблемы для И. Е. Троицкого были «цезарепапизм» и юридический (церковно-правовой) произвол: «Произвол из центра системы проходил бесчисленными радиусами до самых крайних ее периферий»⁴. Обновление (реформа) церковных институтов не могло вырваться без соответствующих изменений в государственной и социальной сфере: «Церковь может быть свободной только в свободном государстве»⁵. Таким образом, для И. Е. Троицкого практика межконфессиональных отношений Константинопольского патриархата носила временный, или исторический, характер, так как была частью государственной дипломатии Византийской империи.

Некоторые исследователи попытались актуализировать историографический тезис И. Е. Троицкого относительно временного характера первенства Константинополя. В частности, профессор Санкт-Петербургской духовной академии А. И. Бриллиантов задавался логичным вопросом: если каноническое первенство и исключительная церковная власть Константинопольского патриархата обусловлены «столичным положением кафедры», а именно привилегией исторического института, то как этот временный принцип соотносится с фундаментальным принципом соборности, «который должен лежать в основе церковного управления»⁶?

³ См. об этом: *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке: 1878–1898. М.: Индрик, 2006. С. 114–116.

⁴ *Троицкий И. Е.* Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсенииты // Христианское чтение. 1872. № 11. С. 661.

⁵ Там же. С. 662.

⁶ *Бриллиантов А. И.* Необходимо ли введение в современной русской Церкви системы митрополитского и патриаршего управления в том виде, как она развилась в древнее

А. И. Бриллиантов видел корень зла в централизации церковного управления (на всех уровнях), которая в конце концов привела к потере фундаментального принципа соборности. И если первоначально Константинопольский патриарх еще не утрачивал кафелический дух полностью, то с течением времени он был вынужден нивелировать значение соборных институтов. Для А. И. Бриллиантова «централизация церковной власти в лице Константинопольского патриарха»⁷ была обусловлена давлением светской власти, так как канонический статус первенства был получен благодаря подчинению воле Византийского императора. «Патриаршество развилось в греческой Константинопольской церкви... не по инициативе Церкви и не в прямых интересах церковной жизни, но под влиянием гражданской власти и по ее желанию»⁸. Как институт церковного собора, так и должность Константинопольского патриарха, оказались инструментами имперской политики. Таким образом, для профессора А. И. Бриллиантова первенство Константинопольского патриархата является каноническим временным следствием «византийского цезарепапизма».

Другая точка зрения, неоднозначно воспринятая духовно-академической средой 1870-х годов, отражена в монографии профессора Т. В. Барсова⁹, основанной на положении о высшем статусе Константинопольского патриарха, «предстоятеля всего христианского востока»¹⁰ с правом высшего церковного управления¹¹, суда¹² и надзора¹³ над всей восточной Церковью. Барсов, как и предыдущие исследователи историко-критического направления, связывал каноническое возвышение Константинопольской кафедры с фактором географической близости политической элите Византийской империи¹⁴. Он ставил в один ряд Римскую и Константинопольскую епископскую кафедры, доказывая равенство и высших управленческих прав в границах Западного и Восточного христианского мира соответственно¹⁵. Такая концепция была обозначена авторитетным канонистом А. С. Павловым в резкой форме как «восточный папизм»¹⁶ — этим термином охарактеризована историческая модель церковного управления Константинопольским патриархом христианского Востока.

время в Церкви греческой // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2 ч. Ч. 2. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. С. 266.

⁷ Там же. С. 267.

⁸ Там же. С. 273.

⁹ Барсов Т. В. Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью. СПб.: Тип. П. А. Ремезова, 1878.

¹⁰ Там же. С. 184.

¹¹ Там же. С. 188.

¹² Там же. С. 196.

¹³ Там же. С. 209.

¹⁴ Там же. С. 27–29, 141.

¹⁵ Там же. С. 141–142.

¹⁶ Павлов А. С. Теория восточного папизма в новейшей русской литературе канонического права [Рец. на: Барсов Т. В. Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью. СПб., 1878]. М.: Университетская тип., 1879–1880. С. 3 и далее.

Концепцию «восточного папизма» до завершённого вида довел знаменитый дореволюционный канонист Николай Семенович Суворов в монографии с говорящим названием «Византийский папа»¹⁷. В этой работе в контексте биографического исследования личности Константинопольского патриарха Михаила Керулария (1043–1058) была сформулирована теория «восточного папизма» с точки зрения ее исторического развития. Кроме того, Н. С. Суворов обратился и к другой исторической личности, сыгравшей значительную роль в возвышении столичной кафедры, — Константинопольскому патриарху Фотию: «...возвышение константинопольского патриарха над другими патриархами и проставление этого патриарха рядом с царской властью идут рука об руку, предполагая в то же время разрыв с Римом и устанавливаясь этим разрывом»¹⁸.

Большинство представителей отечественного академического сообщества не приняли доктрину Т. В. Барсова, и он был вынужден пересмотреть ряд своих теоретических положений в отношении первенства Константинопольской кафедры на Востоке. В дальнейшем пересмотренную версию концепции Т. В. Барсова инкорпорировал в авторскую систему церковного права профессор И. С. Бердников, рассматривавший внешнюю форму и организацию церковного управления как следствие государственного и социального факторов: «Разделение византийской империи на провинции отозвалось учреждением метрополий в церковном управлении... с введением в государственном управлении диоцезов явилась новая правительственная инстанция в церковном управлении — патриархат. Порядок патриарших кафедр определялся тоже сообразно гражданскому значению городов»¹⁹. Бердников считал, что Константинопольская кафедра владела управленческими и судебными правами на христианском Востоке: например, Вселенский патриарх имел право, подобно римскому папе, принимать судебные апелляции в отношении решений других восточных епископов²⁰.

Впоследствии теоретик «византийской симфонии» профессор Ф. А. Курганов конкретизировал положения Т. В. Барсова. Он связал возвышение Константинопольского патриархата с законодательством Юстиниана Великого. По мнению Ф. А. Курганова, до правления Юстиниана отсутствовала единая каноническая система для всей ойкумены поместных церквей и соответственно еще не наметилась иерархическая вертикаль церковного управления²¹. Переломным моментом послужило со-

¹⁷ Суворов Н. С. Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. М.: Университетская типография, 1902. С. 125.

¹⁸ Там же. 134.

¹⁹ Бердников И. С. Краткий курс церковного права Православной церкви. Казань: Типолиитография Имп. ун-та, 1903–1913. С. 227.

²⁰ Там же.

²¹ Курганов Ф. А. Отношения между церковною и гражданскою властью в Византийской империи: Обзор эпохи образования и окончат. установления характера взаимоотношений между церк. и гражд. властью в Византии [325–565]. Казань: Типография Имп. ун-та, 1880. С. 64.

ставление канонического кодекса за авторством патриарха Константинопольского Иоанна Схоластика. Этот церковно-канонический сборник гражданские власти согласовали со светским законодательством. Систематизации церковного права сопутствовали юридическое закрепление первенства столичной епископской кафедры и установление центральной церковной власти²². Ф. А. Курганов выстроил четкую хронологическую картину постепенного возвышения Константинопольского патриархата, используя концепцию Т. В. Барсова: 1) церковное чествование после римского епископа (3-е правило II Вселенского собора); 2) закрепление равенства чести с римской кафедрой и высший надзор над епископатом христианского Востока (28-е правило IV Вселенского собора); 3) окончательное закрепление высших прав и полномочий на христианском Востоке (Трульский собор)²³.

Правовед В. В. Сокольский, постулируя фундаментальный принцип византийского права относительно равенства патриаршей и императорской власти²⁴, пояснял, что речь идет лишь о «вселенском патриархе Нового Рима»; в свою очередь, другие восточные представители пентархии (Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский патриархи) оставались «только местными иерархами» и не имели высших (вселенских) властных полномочий. Константинопольская кафедра была облечена властью высшего надзора и суда, а ее предстоятель был «как бы патриархом над патриархами»²⁵. Соответственно доктрина «византийской симфонии» основывалась на существовании «церковно-государственного тела с двумя главами — вселенским патриархом и вселенским царем»²⁶. Причем это двойственное государственное тело охватывает весь православный мир, поэтому в духовном окормлении у Вселенского (Константинопольского) патриарха все православные христиане²⁷. В. В. Сокольский основывался здесь на тезисе И. Е. Троицкого о двойственном стремлении Византии (Церкви и Империи) «к универсальному господству». Причем эта тенденция объяснялась идеями такого византийского кодекса законов, как «Эпанагога». В. В. Сокольский приходит к интересному историографическому заключению: отечественная политическая идеология в том, что касается сущности и назначения государства, вполне обосновывалась на идеях «Эпанагоги»²⁸. И действительно, многие российские исследователи считали, что именно в истории Российской империи произошло раскрытие византийского канонического наследия.

²² Там же. С. 66.

²³ Там же. С. 55–56.

²⁴ Сокольский В. В. О характере и значении Эпанагоги. Очерк по истории византийского права // Византийский временник. 1894. Т. 1. С. 36–37.

²⁵ Там же. С. 32.

²⁶ Там же. С. 38.

²⁷ Там же. С. 41.

²⁸ Там же. С. 52.

В целом «Эпанагога» для многих отечественных византологов и канонистов являлась документальным фундаментом церковно-правового оправдания первенства Константинопольского патриархата. Так, профессор И. И. Соколов, используя юридическую (каноническую) аргументацию, нашел те идеи и положения о первенстве Константинопольского первоиерарха именно в «Эпанагоге», определившей «содержание церковного и гражданского законодательства»²⁹. Константинопольский патриарх становится представителем высшей духовной власти в византийской Церкви. По мнению И. И. Соколова, византийские патриархи являлись носителями властных полномочий, вверенных «церковным и гражданским законодательством»³⁰. И. И. Соколов апеллировал к идеальному образу Константинопольского патриарха, созданному «Эпанагогой», но призывал оценивать его в историческом и юридическом контекстах³¹.

Современные исследования, апеллирующие к каноническому первенству Константинопольского патриархата, не выходят за рамки представленной концепции и являются лишь ее вариациями. Все указанные работы дореволюционных ученых носили фундаментальный, монографический характер. Отметим основательность исследовательского подхода, что отличало духовно-академическую среду дореволюционного периода. Несмотря на многообразие исследовательских подходов (исторический, канонический, богословский) и точек зрения в отношении первенства Вселенского патриархата, отечественных ученых объединяло одно — признание главенства Константинопольской кафедры как факта ушедшей эпохи. Ведущий консультант обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева по восточному вопросу И. Е. Троицкий считал, что Русская православная церковь фактически является первой среди других поместных церквей³². Для Троицкого неприемлемым было признание зависимого положения Русской православной церкви от Константинопольского патриархата или иных поместных церквей. Он отстаивал тезис, согласно которому «международное положение той или другой Церкви определяется международным положением государства, в котором она находится»³³. Итак, подспудно принимая первенство Вселенского (Константинопольского) патриарха в прошлом, ученые по разным причинам отказывали в праве главенства на текущий момент.

²⁹ Соколов И. И. О высшем церковном управлении Византии и на современном греческом Востоке в отношении к вопросу о преобразовании церковного управления в России на соборном начале // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2 ч. Ч. 2. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. С. 274.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 248–249.

³² Троицкий И. Е. «Наша отечественная церковь занимает первое место между всеми православными церквями»: Отчет о командировке на Восток. 1886 г. // Исторический архив. 2001. № 4. С. 153–158.

³³ Там же.

Дореволюционные специалисты в области истории Церкви и церковного права признавали по большей части теоретическое положение об историческом характере первенства Константинопольского патриархата. Однако ученый консенсус заключался и в следующем утверждении: праксис межконфессиональных взаимоотношений Константинопольского патриархата с иными церквями носил временный (историко-канонический, а не доктринальный) характер, будучи сегментом государственной дипломатии Византийской империи. Итак, историко-каноническое превосходство Константинопольского патриархата перед иными поместными церквями не вело к доктринальному еклесиологическому главенству, зафиксированному на уровне догматического богословия, но имело временный характер.

2. Современные исследования взаимоотношений Русской православной церкви и Константинопольского патриархата

Современные исследователи различной специализации в последнее время сделали область взаимоотношений Русской православной церкви и Константинопольского патриархата предметом пристального внимания. В большей степени экспертное сообщество сконцентрировалось на анализе данного феномена, ограничиваясь периодом XIX–XXI вв. Как было отмечено выше, стремление к обретению автокефалии в Украине и Македонии, сложная система православных юрисдикций в Греции, Сербии, Болгарии сделали тему взаимоотношений Русской православной церкви и Константинопольского патриархата актуальной и значимой. Проблематика церковной дипломатии в целом и пресловутой «фанариотской дипломатии» в частности (подразумевается специфическая внешняя политика Константинопольского патриархата, ориентированная на прагматические интересы) может раскрыться с иной стороны, с использованием наработок современной политологии и теории международных отношений.

В первом десятилетии XXI в. вышли масштабные монографические исследования современных отечественных историков, раскрывающие тему специфики взаимоотношений Русской православной церкви и Константинопольского патриархата в XIX столетии. Это прежде всего кандидатская диссертация В. Ю. Венедиктова «Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского патриархата во второй половине XIX века»³⁴, охарактеризовавшего данную тематику как «отдельную и многоплановую проблему в восточном вопросе XIX в.»³⁵. Также стоит отметить работы д-ра ист. наук Л. А. Герд³⁶. Многочисленные греческие и болгарские источ-

³⁴ Венедиктов В. Ю. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского патриархата во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2008.

³⁵ Там же. С. 3.

³⁶ Герд Л. А.: 1) Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке: 1878–1898. М.: Индрик, 2006; 2) Константинопольский патриархат и Россия: 1901–1914. М.: Индрик, 2012.

ники, представленные в ее монографиях, дают полноценную картину канонического сознания Константинопольского иерарха. Венедиктов и Герд на основе иллюстративных исторических картин показывают всю гамму взаимоотношений Русской православной церкви и Константинопольского патриархата в XIX в. Например, Вселенский патриарх Иоаким III пытался наладить диалог с остальными поместными церквями, среди которых особо выделял Русскую церковь; в итоге между ведущими православными церквями были выстроены хорошие отношения. В свою очередь, Иоаким IV не склонен был идти на компромисс в случае пересечения интересов с другими поместными церквями, что инициировало конфликтные ситуации. Более того, взгляды Иоакима IV по определенным вопросам часто не совпадали с суждениями Святейшего синода Русской церкви, что заканчивалось взаимной критикой и обвинениями. Так, история с незаконным разводом дочери господаря Молдавского княжества Марии Стурдза с русским князем Константином Александровичем Горчаковым, данным Иоакимом IV в 1886 г., вызвала ожесточенные споры, которые могли привести к дипломатическому кризису. Обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев вменял Фанару неканонические действия, считая лишь Санкт-Петербургскую консисторию единственным компетентным органом для решения этого вопроса. Иоаким IV парировал эти обвинения, сославшись на общее каноническое положение Вселенского патриархата в православном мире и подчеркивая его первенство³⁷. Таким образом, спор зашел в тупик, потому что из сферы частных юридических вопросов перешел в области исторической каноники.

Среди научных статей и монографий, посвященных взаимоотношениям Русской православной церкви и Фанара, следует выделить работы научных сотрудников московского Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: иерея Александра Мазырина, А. А. Кострюкова, иерея Павла Ермилова. Первые два автора в 2017 г. совместно опубликовали фундаментальную монографию, посвященную некоторым аспектам церковной дипломатии Константинопольской и Русской православных церквей³⁸. Монография разбита на два специфических тематических раздела: взаимоотношения Фанара и обновленчества Русской православной церкви, а также его диалог с русской церковной эмиграцией. Отец Александр Мазырин является ведущим специалистом в области обновленческого раскола XX в., а А. А. Кострюков — ведущим специалистом в сфере истории Русской православной церкви за границей (далее — РПЦЗ). Монография вышла до известных событий 2018 г., отличается исторической объективностью, и ее трудно уличить в отработывании политической повестки. Церковная дипломатия экспансионизма при Вселенском патриархе Мелетии (Метаксакисе), выраженная в резком расши-

³⁷ См. подробнее: Герд Л. А. Константинополь и Петербург. С. 67.

³⁸ Мазырин А., свящ., Кострюков А. А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской церквей в XX веке. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2017.

рении территорий, где возможно осуществление надзора и управления православными приходами Фанаром, привела к незаконной поддержке автокефалий в Польше и Финляндии, бывших некогда на канонической территории Русской церкви. Также Фанару вменялись сотрудничество и общение с незаконным обновленческим Высшим церковным управлением, а также заигрывание с советской властью, осуществлявшей на тот момент беспрецедентные гонения на религиозные организации в СССР. Иерей Александр Мазырин в целом характеризовал поведение Вселенского престола в отношении возобновившегося института патриаршества в Русской православной церкви, как «переменчивое», когда поддержка обновленцев сменялась приятием курса Святейшего Тихона, и наоборот. А. А. Кострюков в плоскости взаимоотношений Фанара и русского церковного зарубежья отмечал дипломатию экспансионизма, крайний экуменизм, канонический нигилизм, «претензии на всемирную юрисдикцию»³⁹. А. А. Кострюков выделил два концептуальных направления в отношении проблемы экспансионизма Константинополя среди исследователей, принадлежащих к РПЦЗ. Ведущие теоретики РПЦЗ в области экклесиологии (А. Шмеман, И. Мейендорф), основываясь на территориальном характере церковного устройства и устройства автокефалий, считали управление церковных диаспор Константинопольским патриархатом нормальной практикой (русские общины, устроенные в странах Западной Европы и Латинской Америке), учитывая каноническое первенство Вселенского престола. Другой лагерь, состоящий в основном из иерархов и церковных практиков РПЦЗ (Нафанаил (Львов)), придерживался этнического принципа управления общинами диаспоры, окормляя приходы самостоятельно и не обращаясь за благословением в Константинополь⁴⁰. В действительности мы видим, что сосуществование двух различных точек зрения в отношении канонического статуса Константинопольского патриархата восходит к фундаментальным дискуссиям в духовно-академической среде дореволюционного периода.

Священник Павел Ермилов предпринял попытку исследовать вышеописанную дискуссию между канонистами Т. В. Барсовым и А. С. Павловым относительно статуса Константинопольского патриарха в Православной церкви. Цель его работы состояла в том, чтобы актуализировать результаты спора между двумя знатоками канонического права. Благодаря А. С. Павлову идея Т. В. Барсова о первенстве Константинопольского патриархата была «сочтена маргинальной и даже не православной»⁴¹. Эта дискуссия дала возможность наметить основные аргументы и обозначить источники, благодаря которым в дальнейшем изучение данного вопроса вышло на иной уровень. Однако мысль Т. В. Барсова стала закваской, ко-

³⁹ Мазырин А., свящ., Кострюков А. А. Из истории взаимоотношений... С. 361.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Ермилов П., свящ. Дискуссия Барсова — Павлова о роли Константинопольского патриарха в Православной церкви // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. № 3. С. 30.

торой воспользовались некоторые греческие богословы для аргументов в пользу «восточного папизма» в будущем⁴².

Периоду взаимодействия Русской церкви и Константинопольского патриархата в первой половине прошлого столетия посвящена монография петербургского историка М. В. Шкаровского «Константинопольский патриархат и Русская православная церковь в первой половине XX века». Михаил Витальевич подробно останавливается на «захватнической и реформаторской» деятельности Константинопольского патриарха Мелетия IV в Финляндии⁴³. Также он анализирует позицию патриарха Мелетия⁴⁴ относительно признания обновленцев — от категоричного отказа в 1923 г. до полного приятия их в качестве легитимной церковной власти⁴⁵. Эти события являются ярким свидетельством открытой агрессии и экспансии, направленной в сторону своих же собратьев. Тот опыт, который Русская церковь получила, пройдя сквозь расколы и самочинное отпадение, — несомненно, важное звено при построении будущего взаимодействия с нашими братьями из иных поместных церквей.

Вопрос о мотивации тех или иных решений Фанара в области межправославных отношений стал одним из ключевых в работах современных ученых. Так, период 1920–1930-х годов характеризуется с точки зрения общих интересов большевиков и фанариотов по ослаблению Русской церкви. Каждая из сторон преследовала свои интересы, однако подобное «сотрудничество» закончилось безрезультатно для обеих сторон. Вселенской патриархии не удалось поглотить зарубежные приходы Русской церкви, а большевикам — разрушить церковную организацию в СССР путем ее присоединения в качестве придатка Фанара⁴⁶. Как отмечает М. В. Шкаровский, последнее произошло благодаря вмешательству Великобритании⁴⁷, которая на тот момент оказывала значительное влияние на Константинополь.

В этой же работе уделено внимание роли США в попытках усилить свое влияние в православном мире путем выдвижения своего кандидата на Вселенский престол. Таковым стал гражданин упомянутой страны архиепископ Нью-Йоркский Афинагор (Спиру)⁴⁸. Изучение влияния по-

⁴² Там же. С. 43.

⁴³ Шкаровский М. В. Константинопольский патриархат и Русская православная церковь в первой половине XX века. М.: Индрик, 2014. С. 26–27.

⁴⁴ См. также: Бувеский А. Патриарх Константинопольский Мелетий IV и Русская православная церковь // Журнал Московской патриархии. 1953. № 3. С. 28–36.

⁴⁵ Там же. С. 28–38.

⁴⁶ См. об этом: Мазырин А., священник. Использование советской властью константинопольской патриархии в борьбе с русской православной церковью в 1920–1930-е годы // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры: сб. докладов XXIII междунар. Кирилло-Мефодиевских чтений. Минск: Позитив-центр, 2018. С. 114–116.

⁴⁷ Шкаровский М. В. Константинопольский патриархат и Русская православная церковь. С. 37–38.

⁴⁸ Там же. С. 95.

литических кругов США на действия Константинопольского патриархата является значимым и необходимым условием для понимания механизма принятия тех или иных решений в контексте всего православия в прошлом столетии. Об этом же идет речь в статье П. В. Ермилова, вскрывшей «религиозный» характер конфронтации США и СССР. Именно с целью духовной агрессии были созданы различные структуры, в частности Совет по психологической стратегии. Сотрудниками этой организации введена Программа поддержки Православной церкви, направленная на координацию совместных усилий ЦРУ, Министерства обороны и Государственного департамента по дестабилизации мирового православия⁴⁹. Как было отмечено выше, Фанар вынужден был ради борьбы за свое существование следовать в русле внешней политики иных государств и жертвовать своей свободой. Однако Русская церковь после свертывания атеистической политики и крушения Советского Союза смогла освободиться от тотального контроля и выстроить партнерские взаимоотношения с государством. Как показали события последних лет, вопрос об освобождении Константинопольского патриархата от внешнего контроля остается открытым.

Так, в статье А. А. Чибисовой рассматриваются инструменты, посредством которых планировалось решить поставленные задачи выхода Константинопольского патриархата на мировую арену в качестве «центра православия»⁵⁰. Одним из таких орудий стало расширение экуменической деятельности в связи с пацифистскими настроениями, господствовавшими в мире после окончания Первой мировой войны. Свою роль также сыграли шовинистические настроения, связанные с «великой идеей» возрождения греческой нации и реставрацией «империи». В данном сценарии Константинопольский патриарх должен был занять положение духовного лидера и возродить былое влияние на весь православный мир. Последний фактор — поиск своего места в новой, враждебной Фанару, Турецкой Республике. С этой целью необходимо было упрочить собственное положение на международной арене и показать значимость для турецкого правительства в качестве арбитра при решении внешнеполитических вопросов. Важным замечанием автора является оценка современного положения Вселенского патриархата, находящегося в поиске «сильных друзей» и подстраивающегося под стремительно меняющиеся международные реалии.

Т. А. Чумаченко в своих статьях⁵¹ отметила положительную динамику в отношениях Русской церкви и Фанара в послевоенный период, когда

⁴⁹ Ермилов П., *свящ.* Вхождение Константинопольского патриархата в русле внешней политики США в первые годы холодной войны // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 30. С. 230–231.

⁵⁰ Чибисова А. А. Направления политической активности Константинопольского патриархата в 1920-е гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2018. № 28. С. 169–172.

⁵¹ Чумаченко Т. А.: 1) В русле внешней политики сталинского руководства: русская православная церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943–1953 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). С. 142–148; 2) Отношения Мо-

И. В. Сталин использовал Церковь для своих геополитических целей⁵². Соответственно материальная помощь, полученная Константинопольской церковью от советского правительства, смягчила жесткую позицию Фанара в отношении Русской церкви. Константинополь наконец перестал поддерживать обновленческий раскол, что, конечно, стало тактической победой. Сама нормализация взаимоотношений между Русской православной церковью и Константинополем оказалась временной и кардинально не поменяла прагматическую стратегию Вселенского престола. С 1950-х годов светским патроном, державой — покровителем Фанара стали США, пришедшие на смену Великобритании. На протяжении следующих десятилетий, в ходе усиления холодной войны двух сверхдержав (СССР и США), что совершенно логично, произошло похолодание отношений между Русской церковью и Фанаром.

Итак, значительная часть работ рассматривает процессы, происходившие в недрах Константинопольского патриархата, исключительно через призму внешнего влияния, мало останавливаясь на внутренней мотивации представителей господствующей теории «восточного папизма». К таковым относятся вопросы канонического права и экклесиологии. Здесь можно указать несколько исследований, которые лишь подступили к проблеме. Так, в одной из научных статей в большей степени уделяется внимание высказываниям патриарха Варфоломея и его действиям, противоречащим Номоканону в редакции 883 г.⁵³ Имеются и иные работы, при помощи историко-сравнительного метода раскрывающие ошибочность канонических и догматических построений Константинополя⁵⁴. Так, в статье М. А. Шахбазян и И. С. Быстрова в качестве объекта исследования избран проект документа «Автокефалия и способ ее провозглашения» в контексте проведения Критского собора и последующих действий Фанара в Украине. Выводом, к которому пришли авторы, стало заключение об отказе Константинопольского патриархата от ранее занимаемой им позиции защиты своих властных полномочий в православном мире, что свидетельствует об отходе от православного экклесиологического учения⁵⁵. Эти и ряд иных работ на основе украинского кейса рассматривают влия-

сковской патриархии и Восточных патриархатов в контексте эволюции ближневосточной политики советского руководства. 1953–1964 годы // Там же. 2015. № 2 (357). С. 117–122.

⁵² См. также: *Каиль М.* «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 19–40.

⁵³ См. об этом: *Латидус И., прот.* Некоторые канонические аспекты действий патриарха Константинопольского Варфоломея (Архондониса) на Украине на рубеже 2018–2019 годов // Богословский вестник. 2019. № 3. С. 221–249.

⁵⁴ См., напр.: *Шахбазян М. А., Быстров И. С.* Критский Собор: предсоборный документ о предоставлении автокефалии в контексте церковного кризиса на Украине и в межправославных отношениях // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11, № 6. С. 117–131.

⁵⁵ Там же. С. 125.

ние решений Фанара на мировую практику построения межправославных взаимоотношений.

Фундаментальным трудом по исследованию канонических оснований юрисдикции Московского патриархата стал очерк о. Михаила Желтова «Историко-канонические основания единства Русской церкви»⁵⁶. О значимости этой работы говорит и то, что она вызвала горячую дискуссию в среде как светских, так и церковных исследователей. Попытка автора обозначить круг ключевых документов по проблематике принадлежности Украины к той или иной юрисдикции активизировали их изучение. Так, акцентирование внимания на 17-м каноне IV Вселенского собора позволило выстроить убедительную доказательную базу на основании понятия «срок давности» вхождения территории в юрисдикцию какой-либо поместной церкви. Каноны Халкидонского собора также послужили развитию темы прав Константинопольского престола на православные общины в диаспоре. Протоиерей Вадим Суворов провел достаточно глубокое исследование официальных документов Московского патриархата и трудов русских богословов, как отечественных, так и зарубежных, относительно данного вопроса. В заключении статьи обозначена важная мысль о значимости данного вопроса в контексте взаимоотношений не только Московского и Константинопольского патриархатов, но и иных поместных церквей⁵⁷.

В своих многочисленных статьях исследователь А. В. Шишков⁵⁸ конституирует существование двух моделей устройства вселенского православия. Такие частные вопросы церковного управления, как получение автокефалии, значение церковных диптихов, легитимность существования церковной диаспоры, первенство Константинопольского патриархата, являются конкретными ответвлениями фундаментальной темы «Верховная власть во Вселенской церкви». Проблема верховной власти во вселенском православии имеет два решения. Константинопольский патриархат и ряд греческих церквей защищают концепцию высшей церковной власти, сфо-

⁵⁶ Желтов М., *прот.* Историко-канонические основания единства Русской церкви // Церковь и время. 2018. № 3 (84). С. 29–95.

⁵⁷ Суворов В., *прот.* Каноны Халкидонского собора как обоснование прав Константинопольского престола на диаспору в русской православной традиции XX — нач. XXI в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 74.

⁵⁸ Шишков А. В., Кырлежев А. И. Первенство в Церкви: богословие и церковная практика // Вопросы теологии. 2019. Т. 1, № 3. С. 405–426; Шишков А. В.: 1) Первенство в Церкви в богословии митрополита Пергамского Иоанна Зизиуласа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15, вып. 1. С. 32–41; 2) Структура церковного управления в евхаристической экклесиологии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Философия, богословие. 2015. № 57 (1). С. 25–38; 3) Спорные экклесиологические вопросы повестки Всеправославного собора и проблема верховной власти в Православной церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. Вып. 1 (34). С. 210–254; 4) Два понимания традиции в русском православном богословии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, № 3. С. 22–29.

кусированной на кафедре Вселенского патриарха. Первенство чести Константинопольского предстоятеля, исходя из данной концепции, легитимизовало право Вселенской кафедры, в частности, осуществлять управление приходами и епархиями церковной диаспоры («евлогианские» приходы), предоставлять автокефалию отдельным национальным группам церквей, самочинно вышедших из юрисдикции иных поместных церквей (Украина, Эстония, Финляндия). Более того, Константинопольская церковь обосновывала на том же «праве чести» свой статус верховного арбитра, к которому обращались иные поместные церкви, а также пыталась вмешиваться во внутренние дела иных поместных церквей. Кроме того, Константинопольский патриарх является инициатором различных православных форумов (всеправославные совещания, соборы, собрания) разной степени значимости. В конечном счете с точки зрения представленной концепции Вселенский предстоятель занимает уникальное место среди остальных православных глав, будучи «единственным сувереном в Православной церкви»⁵⁹. Условно назовем эту концепцию «константинопольской» моделью. Другой экклесиологической концепции следуют Русская православная церковь и ряд славянских поместных церквей. Она предполагает принципиальное равенство поместных церквей. В частности, это выражается в актуальной проблеме существования однородных этнических общин в диаспоре: каждая поместная церковь имеет право открывать приходы и епархии в случае наличия паствы (например, трудовые иммигранты из Румынии, проживающие на территории Италии, имеют право открыть свои приходы). Далее данная экклесиологическая концепция предполагает организацию всеправославных собраний лишь при согласии всех поместных церквей; в свою очередь, автокефалию можно получить лишь через согласие и утверждение Матери-Церкви. Представленная так называемая автокефалистская концепция предполагает сосредоточение власти на консенсусе всех поместных церквей, вне зависимости от их места в диптихах. История Церкви знает несколько экклесиологических систем, их доминирование менялось с течением истории. «Автокефалистская» концепция имеет современное происхождение и появилась по причине обретения балканскими национальными церквями автокефалий в XIX–XX вв.⁶⁰ «Константинопольская» модель имеет более древнее происхождение и восходит к византийской симфонии. Правда, ранее верховной властью над остальными церквями обладал Византийский император, а не Константинопольский патриарх. Лишь впоследствии последний стал выполнять упомянутые функции. Так что в этом смысле «константинопольскую» модель можно также считать современной редакцией древней экклесиологической концепции. Итак, современная церковная традиция предполагает два равноценных подхода взаимоотношений первенствующего по чести иерарха (Константинопольский патриарх) с предстоятеля-

⁵⁹ Шишков А. Спорные экклесиологические вопросы... С. 249.

⁶⁰ Там же. С. 251.

ми иных поместных церквей в отношении традиционалистской максимы «первый среди равных». «Константинопольская» концепция предполагает положение «первый без равных», а «автокефалистская» — «равные без первого»⁶¹. Большинство отечественных исследователей априори придерживаются «автокефалистской» концепции, предполагающей принципиальное равенство поместных церквей.

Что касается догматической стороны проблемы, то ее обсуждение было инициировано подготовкой Всеправославного собора на Крите. Вопрос о роли Фанара в принятии решений и процедурных аспектах, в которых решающий голос принадлежал Константинопольскому предстоятелю, на этапе подготовки собора вызвал справедливые опасения у ряда отечественных богословов и исследователей. В статье М. А. и К. Г. Шахбазян рассматривается новая еkkлесиология Константинопольского патриархата, которая во многом стала плодом трудов одного из его ключевых богословов — митрополита Иоанна Зизиулуса. Богословская терминология последнего и оказалась предметом исследования. Авторы пришли к выводу о том, что богословская позиция митрополита Иоанна отличается от учения Церкви об «ипостаси и сущности применительно к антропологии»⁶². Подобное уклонение ведет к искажению еkkлесиологии и затрагивает вопросы христологии⁶³. Исследование «евхаристического» богословия привело протоиерея Максима Кокорева к выводу о ключевой роли митрополита Иоанна в качестве главного идеолога новой концепции Фанара — «первого без равных» (*primus sine paribus*). Эта мысль Зизиулуса, некогда бывшая его частной точкой зрения, ныне во многом стала знаменем некоторой части греческих богословов⁶⁴. Конечно, подобная трансформация требует глубоко осмысления проблемы с разных точек зрения — каноники, еkkлесиологии и истории.

Последнее невозможно без организации и определенного рода стимулирования, и подобные мысли не новы. В 2018 г. Его Святейшество в ходе своего последнего визита в Стамбул предлагал Фанару совместно создать исследовательскую группу из разных стран, которая объединила бы самых компетентных ученых в своих областях, для изучения всех вопросов, связанных с каноникой. Однако данное предложение не нашло положительного отклика⁶⁵. Тогда по благословию Святейшего патриарха Кирилла и под общей редакцией Высокопреосвященнейшего митрополита Иларио-

⁶¹ Шишков А. Спорные еkkлесиологические вопросы... С. 254.

⁶² Шахбазян М. А., Шахбазян К. Г. Новая терминология Фанара: на примере богословской антропологии митрополита Иоанна (Зизиулуса) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. № 4–5. С. 110.

⁶³ Там же. С. 128.

⁶⁴ Кокарев М., *прот.* Богословие митрополита Иоанна (Зизиулуса) в контексте современной еkkлесиологии Константинопольского патриархата // Научные труды Самарской духовной семинарии. 2019. № 3. С. 19.

⁶⁵ «Неубедительно». В РПЦ ответили на громкое заявление патриарха Варфоломея. URL: <https://ria.ru/20210826/patriarkh-1747389304.html> (дата обращения: 09.08.2021).

на церковно-научный центр «Православная энциклопедия» издал сборник документов «Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью. 1676–1686 гг. Исследования и документы»⁶⁶. Данное издание объединило документальные свидетельства из российских архивов и, что еще более важно, научные комментарии к ним. Этот успешный опыт дает надежду на продолжение проектов изучения документов различных эпох, причем не только русскоязычных, но и греческих источников. Последнее стало бы важным вкладом в богословскую и каноническую науку в масштабах мирового православия, так как именно Русская православная церковь из всех поместных церквей обладает наиболее высоким потенциалом для выполнения подобного уровня задач.

Примечательно, что инициатива Святейшего патриарха Кирилла восходит к дореволюционной академической практике. В начале XX в. в Санкт-Петербургской духовной академии была учреждена кафедра истории Греко-восточной церкви от разделения церквей, которую возглавил ведущий специалист в области византологии И. И. Соколов, известный по докторской диссертации «Константинопольская церковь в XIX в. Опыт исторического исследования». Неслучайно, что организация подобной кафедры произошла по инициативе тогдашнего ректора Академии, епископа Сергия (Страгородского). В дальнейшем усилиями И. И. Соколова (докладная записка для Предсоборного присутствия «О необходимости учреждения в наших духовных академиях кафедры истории Греко-восточной церкви») аналогичные кафедры были учреждены в остальных высших духовных заведениях. С 1910-х годов византиноведение в духовных академиях приобрело уже системный, а не фрагментарный характер. Такая организация учебного и исследовательского процесса благотворно повлияла на качество и количество монографий соответствующей тематики.

Нынешние духовные образовательные центры могут продолжить исследовательскую традицию духовных академий начала XX в. и выступить в качестве флагманов научных разработок. Мы видим, как ростки подобного понимания приносят свои плоды. Положительный опыт в данном направлении имеется у Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, на базе которого 17 сентября 2012 г. был создан Фонд развития науки, образования и семьи «Живая традиция». Среди задач этой организации значится следующее: «Содействие увеличению материально-технической базы, научно-образовательного потенциала образовательных учреждений путем финансирования, разработки и внедрения инновационных учебных программ»⁶⁷. Также в Санкт-Петербургской духовной академии создано Общество изучения церковного права им. Т. В. Барсова. В этой же духовной школе в 2017 г. прошла первая кон-

⁶⁶ Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью. 1676–1686 гг. Исследования и документы / под ред. митр. Илариона. М.: Православная энциклопедия, 2019.

⁶⁷ Фонд развития науки, образования и семьи «Живая традиция». URL: <https://traditioviva.ru/about.html> (дата обращения: 15.08.2021).

ференция по церковному праву; в дальнейшем конференции стали проводиться ежегодно. Однако этот безусловно важный и положительный опыт требует осмысления и дальнейшего расширения в рамках всей Русской православной церкви.

Концентрация усилий, проекты общецерковного уровня позволят в достаточно короткие сроки создать прочную базу для ответа на современные и будущие вызовы. Поэтому представляется важным рассмотреть целесообразность поддержки исследований наиболее актуальных вопросов как в среде студентов, так и преподавателей. Гранты, стипендии, поощрение исследований в той или иной области могут стать значимым инструментом развития Русской православной церкви в современном мире.

Заключение

Отечественные дореволюционные историки и канонисты в разной степени признавали положение об историческом характере первенства Константинопольского патриархата. И. Е. Троицкий, один из ведущих теоретиков, считал, что Константинопольский патриархат получил каноническое первенство в силу исторических и политических причин, приобретя его с благоволения Империи в силу столичного положения кафедры. Для профессора А. И. Бриллиантова концентрация церковной власти на Константинопольской кафедре связана с политическим давлением светской власти; канонический статус «первенства по чести» Константинопольского патриарха инициирован волей Византийского императора. Т. В. Барсов основывался на положении о высшем статусе Константинопольского патриарха при историческом анализе взаимоотношений Константинопольской кафедры с Русской церковью. Н. С. Суворов в монографии «Византийский папа» вообще сформулировал теорию «восточного папизма». И. С. Бердников считал, что Константинопольский патриархат владел управленческими и судебными правами на христианском Востоке. Ф. А. Курганов связал возвышение Константинопольской кафедры с законодательством Юстиниана Великого. Правовед В. В. Сокольский, указывая на фундаментальный принцип византийского права о «равенстве патриаршей и императорской власти», предположил, что Константинопольская кафедра постепенно наделялась властью высшего надзора и суда над другими епископами. Итак, исходя из этих и множества иных свидетельств, мы постулируем церковно-академический консенсус дореволюционных исследователей в отношении исторического первенства Константинопольской кафедры. Тем не менее для профессора И. Е. Троицкого, отражавшего мнение большинства представителей духовно-академической среды, практика межконфессиональных отношений Константинопольского патриархата носила временный (исторический, а не доктринальный) характер с учетом того, что она была частью государственной дипломатии Византийской империи. Таким образом, историко-каноническое превосходство Константинопольской кафедры над другими поместными церквя-

ми не вело к доктринальному экклесиологическому главенству, зафиксированному на уровне догматического богословия.

В современной исследовательской среде множество мнений концентрируются вокруг двух теоретических моделей устройства вселенского православия. Существование двух различных точек зрения среди исследователей в отношении канонического статуса Константинопольского патриархата восходит к фундаментальным дискуссиям в духовно-академической среде дореволюционного периода. Большинство отечественных исследователей априори придерживаются так называемой автокефалистской концепции, предполагающей принципиальное равенство поместных церквей. Изучение взаимоотношений Русской православной церкви и Константинопольского патриархата движется в нескольких тематических направлениях: доктринальном, церковно-историческом, геополитическом.

В частности, ряд ученых анализируют новую экклесиологию Константинопольского патриархата, основанную на теологических положениях митрополита Иоанна Зизиуласа (М. А. и К. Г. Шахбазян, И. С. Быстров, А. В. Шишков, о. М. Кокарев). С точки зрения упомянутых ученых, агрессивный и экспансионистский характер внешней политики Константинопольской кафедры обуславливается фундаментальными доктринальными искажениями в области экклесиологии. Некоторые исследователи на основании анализа канонического права Церкви пытаются дать оценку действиям Константинопольского патриархата (о. М. Желтов, о. В. Суворов, о. И. Лapidус).

Церковные историки собирают многочисленные факты проявлений Константинопольского экспансионизма во внешней церковной политике. Например, множество исследований, посвященных истории Церкви XX в., касаются анализа взаимоотношений Русской православной церкви и Константинопольского патриархата, на основании чего можно вычлени́ть структуру агрессивной внешней политики Фанара (Т. А. Чумаченко, А. А. Чибисова, А. А. Кострюков, о. А. Мазырин, М. В. Шкаровский, М. Каиль).

По ключевым направлениям изучаемой области в современной научной среде имеется ряд работ отечественных исследователей. Основываясь на аналитике многочисленных исторических фактов «фанариотской» внешней политики, большинство специалистов пришло к выводам о том, что дипломатическая стратегия Константинопольской кафедры строилась по большей части на принципах политического прагматизма и личностной выгоды, а не «межправославной солидарности»⁶⁸. Историки межправославных отношений предложили целый набор факторов, определявших «прагматические интересы» дипломатии Фанара. Так, современные исследователи пытались объяснить действия Константинопольского патриархата с точки зрения влияния сторонних геополитических сил, а именно

⁶⁸ Мазырин А., свящ., Кострюков А. А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской церквей в XX веке. С. 19.

политического курса таких западноевропейских держав, как Великобритания, США. Также следует учитывать фактор личностных интересов священноначалия Вселенского престола, материально зависимого от турецкого правительства или дружественных поместных церквей, поэтому Фанар в своей дипломатии стремился к лавированию и руководствовался исключительно прагматическими интересами. В итоге большинство современных исследователей из-за экспансионистской политики Фанара констатируют «утрату доверия» Вселенского престола в сообществе поместных церквей. Надеемся, что поднятые упомянутыми отечественными исследователями проблемы еще получат качественно новое освещение и откроют актуальные формы научно-богословских дискуссий.

Статья поступила в редакцию 15 июля 2021 г.
Статья рекомендована к печати 29 ноября 2021 г.

Контактная информация:

Митрополит Смоленский и Дорогобужский Исидор
(*Тупикин Роман Владимирович*) — канд. богословия, канд. юрид. наук;
erarghya@mail.ru

Contemporary Russian studies of the role of the Patriarchate of Constantinople in the development of the crisis of the unity of world Orthodoxy

Metropolitan Isidor of Smolensk and Dorogobuzh

Smolensk Orthodox Theological Seminary,
5, Timiryazeva ul., Smolensk, 21400, Russian Federation

For citation: Tupikin R. V. Contemporary Russian studies of the role of the Patriarchate of Constantinople in the development of the crisis of the unity of world Orthodoxy. *Issues of Theology*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 110–133. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2022.106> (In Russian)

This article presents an analysis of the church-historical grounds for the termination of Eucharistic communion between the Russian Orthodox Church and the Patriarchate of Constantinople that took place in 2018. In this paper, this topic is considered through the prism of domestic research. The study of the relationship between the Russian Orthodox Church and the Patriarchate of Constantinople moves in several thematic directions: doctrinal, church-historical, geopolitical. The novelty of the analysis is the attempt to systematize modern Russian research and trace the links between current approaches and the pre-revolutionary academic tradition. The historical and canonical dominance of the Patriarchate of Constantinople over other Local Churches did not lead to doctrinal supremacy. Many ecclesiastical-legal judgments that have come out of the modern research environment can conditionally be attributed to two theoretical models of the dispensation of Ecumenical Orthodoxy. Based on the analysis of the historical precedents of the “Phanariotic” foreign policy, most historians and canonists came to the following disappointing conclusions: the diplomatic strategy of the Patriarchate of Constantinople was based on considerations of political pragmatism and personal gain, and

was not guided by the fundamental principle of “inter-Orthodox solidarity”. The experience of relations between the Russian Orthodox Church and the Patriarchate of Constantinople in the previous two centuries, as well as contemporary events, lead to an important conclusion: it is necessary to strengthen the research direction in the field of Inter-Orthodox relations, which includes a spectrum of church-historical, church-legal, ecclesiological, geopolitical issues.

Keywords: schism, Phanar, canon law, ecclesiology, Church history, Russian Orthodox Church, theological schools, Ukraine, autocephaly.

References

- Barsov T. V. (1878) *Patriarch of Constantinople and his power over the Russian Church*. St Petersburg, Tipografia P. A. Remezova Publ. (In Russian)
- Berdnikov I. S. (1903) *A short course in church law of the Orthodox Church*. Kazan, Tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta Publ. (In Russian)
- Brilliantov A. I. (2004) “Is it necessary to introduce in the modern Russian Church the system of metropolitan and patriarchal administration in the form as it developed in ancient times in the Greek Church”, in *Otzyvy eparkhial’nykh arkhierееv po voprosu o tserkovnoi reforme*. In 2 parts, part 2, pp. 261–273, Moscow, Izdatel’stvo Krutitskogo podvor’ia Publ. (In Russian)
- Buevskii A. (1953) “Patriarch Meletius IV of Constantinople and the Russian Orthodox Church”, in *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, no. 3, pp. 28–36. (In Russian)
- Chibisova A. A. (2018) “Directions of Political Activity of the Patriarchate of Constantinople in the 1920s”, in *Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 28, pp. 169–172. (In Russian)
- Chumachenko T. A. (2014) “In line with the foreign policy of the Stalinist leadership: the Russian Orthodox Church and the Patriarchates of the Middle East. 1943–1953”, in *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 22 (351), pp. 142–148. (In Russian)
- Chumachenko T. A. (2015) “Relations between the Moscow Patriarchate and the Eastern Patriarchates in the context of the evolution of the Middle East policy of the Soviet leadership. 1953–1964”, in *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (357), pp. 117–122. (In Russian)
- Ermilov P., priest. (2016) “Entry of the Patriarchate of Constantinople into the mainstream of US foreign policy in the early years of the Cold War”, in *Problemy natsional’noi strategii*, no. 30, pp. 217–233. (In Russian)
- Ermilov P., priest. (2017) “Discussion of Barsov-Pavlov on the role of the Patriarch of Constantinople in the Orthodox Church”, in *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, no. 3, pp. 30–43. (In Russian)
- Gerd L. A. (2006) *Constantinople and Petersburg: Church policy of Russia in the Orthodox East: 1878–1898*. Moscow, Indrik Publ. (In Russian)
- Gerd L. A. (2012) *The Patriarchate of Constantinople and Russia: 1901–1914*. Moscow, Indrik Publ. (In Russian)
- Hilarion, Metropolitan, ed. (2019) *Reunification of the Kiev Metropolis with the Russian Orthodox Church. 1676–1686. Research and papers*. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ. (In Russian)
- Huntington S. (1994) “A clash of civilizations?”, in *Polis*, no. 1, p. 33–48. (In Russian)
- Kail M. (2017) “‘The Orthodox factor’ in Soviet diplomacy: International communications of the Moscow Patriarchate in the mid-1940”, in *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no. 1, pp. 19–40. (In Russian)
- Kokarev M., prot. (2019) “Theology of Metropolitan John (Zizioulas) in the context of modern ecclesiology of the Patriarchate of Constantinople”, in *Nauchnye trudy Samarskoi dukhovnoi seminarii*, no. 3, pp. 7–19. (In Russian)

- Kurganov F. A. (1880) *Establishing the nature of the relationship between the churches and citizen power in Byzantium, 325–565*. Kazan, Tipografia Imperatorskogo universiteta Publ. (In Russian)
- Lapidus I., prot. (2019) “Some canonical aspects of the actions of Patriarch Bartholomew of Constantinople (Archondonis) in Ukraine at the turn of 2018–2019”, in *Bogoslovskii vestnik*, no. 3, pp. 221–249. (In Russian)
- Mazyrin A., priest, Kostryukov A. A. (2017) *From the history of the relationship between the Russian and Constantinople Churches in the twentieth century*. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo universiteta Publ. (In Russian)
- Mazyrin A., priest. (2018) “The use of the Patriarchate of Constantinople by the Soviet authorities in the struggle against the Russian Orthodox Church in the 1920s — 1930s, in Religion and writing as factors in the formation of Slavic culture”, in *Collection of reports of the XXIII International Cyril and Methodius Readings*, pp. 114–116. Minsk, Positiv-tsentr Publ. (In Russian)
- Pavlov A. S. (1879–1880) *The theory of Eastern papism in the latest Russian literature of canon law*. Moscow, Universitetskaia tipografia Publ. (In Russian)
- Shakhbazyan M. A., Bystrov I. S. (2019) “Council of Crete: Pre-Council document on the granting of autocephaly in the context of the church crisis in Ukraine and in inter-Orthodox relations”, in *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, vol. 11, no. 6, pp. 117–131. (In Russian)
- Shakhbazyan M. A., Shakhbazyan K. G. (2020) “Phanar's new terminology: on the example of the theological anthropology of Metropolitan John (Zizioulas)”, in *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, no. 4–5, pp. 110–133. (In Russian)
- Shishkov A. (2016) “Controversial ecclesiological issues on the agenda of the Pan-Orthodox Council and the problem of supreme power in the Orthodox Church”, in *Gosudarstvo, religiiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 1 (34), pp. 210–254. (In Russian)
- Shishkov A. V., Kyrlezhev A. I. (2019) “Primacy in the Church: Theology and Church practice”, in *Issues of Theology*, vol. 1, no. 3, pp. 405–426. (In Russian)
- Shishkov A. (2014) “Primacy in the Church in the theology of Metropolitan John Zizioulas of Pergamon», in *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 15, no. 1, pp. 32–41. (In Russian)
- Shishkov A. (2015) “The structure of church government in Eucharistic ecclesiology”, in *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Ser. 1: *Filosofia, bogoslovie*, no. 57 (1), pp. 25–38. (In Russian)
- Shishkov A. (2017) “Two understandings of tradition in Russian Orthodox theology”, in *Bulletin of the Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 18, no. 3, pp. 22–29. (In Russian)
- Shkarovsky M. V. (2014) *The Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church in the first half of the 20th century*. Moscow, Indrik Publ. (In Russian)
- Sokolov I. I. (2004) “On the highest church government of Byzantium and in the modern Greek East in relation to the question of the transformation of church government in Russia at the conciliar beginning”, in *Otzyvy eparkhial'nykh arkhieerev po voprosu o tserkovnoi reforme*. In 2 parts, part 2, pp. 273–296, Moscow, Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ia Publ. (In Russian)
- Sokolsky V. V. (1894) “On the nature and significance of Epanagogue. Essay on the history of Byzantine law”, in *Vizantiiskii vremennik*, vol. 1, pp. 17–54. (In Russian)
- Suvorov N. S. (1902) *Byzantine pope. From the history of church-state relations in Byzantium*. Moscow, Universitetskaia tipografia Publ. (In Russian)
- Suvorov V., prot. (2017) “The canons of the Council of Chalcedon as a substantiation of the rights of the See of Constantinople to the diaspora in the Russian Orthodox tradition of the 20th — early 21st centuries”, in *Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Ser. *Gumanitarnye nauki*, no. 12, pp. 69–74. (In Russian)

- Toynbee A. J. (2004) *Comprehension of history*. Rus. ed. Moscow, Iris-Press Publ. (In Russian)
- Troitsky I. E. (1872) “Arseny, Patriarch of Nicaea and Constantinople, and the Arsenites”, in *Khristianskoe chtenie*, no. 11, pp. 661–662. (In Russian)
- Troitsky I. E. (1888) *The church side of the Bulgarian question*. St Petersburg, Universitetskaia tipografia Publ. (In Russian)
- Troitskii I. E. (2001) “Our Patriotic Church ranks first among all Orthodox Churches’: Report on a business trip to the East. 1886”, in *Istoricheskii arkhiv*, no. 4, pp. 135–174. (In Russian)
- Venediktov V. Yu. (2008) *Ethno-confessional dialogue between Russia and the Patriarchate of Constantinople in the second half of the 19th century*. PhD diss. in History, Moscow State Pedagogical University. (In Russian)
- Zheltoy M., prot. (2018) “Historical and canonical foundations of the unity of the Russian Church”, in *Tserkov’ i vremia*, no. 3 (84), pp. 29–95. (In Russian)

Received: July 15, 2021

Accepted: November 29, 2021

Author’s information:

Metropolitan Isidor (Roman V. Tupikin) — PhD in Theology, PhD in Law; eparxya@mail.ru